

0435

Министерство здравоохранения и медицинской промышленности РФ
Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
имени академика И.П.Павлова

**Справочные материалы к 100-летию
Санкт-Петербургского государственного медицинского
университета имени академика И.П. Павлова**

*История I Ленинградского медицинского инсититута
имени академика И.П. Павлова
в годы Великой Отечественной Войны*

Издательство СПбГМУ им. акад. И.П.Павлова
Санкт-Петербург
1995

0435

- 3 - 5 г(2) + 51.1(2) р 31

Введение

Санкт-Петербургский Государственный Медицинский Университет им. акад. И.П.Павлова достойно встречает свое 100-летие. За эти годы он превратился из небольшого, первого в Российской империи института, готовившего женщин-врачей, в один из лучших ВУЗов страны с большим числом крупных ученых, современных научных лабораторий, воспитал поколения врачей. К ярким страницам его истории относится непрекращавшаяся ни на один день работа во время Великой Отечественной войны.

К сожалению время неумолимо. Участников активной помощи городу и фронту в трудные дни блокады, продолжавшейся подготовки врачей, в том числе и в созданных эвакуированной частью сотрудников филиалах, почти не осталось. Сделанное в те годы вошло в число славных дел университета, о которых следует знать поколениям студентов и преподавателей. Настоящие справочные материалы объединяют, поэтому, сведения из архива института, имеющихся в библиотеке докладных записок, воспоминаний, отдельные данные о работе института в статьях и книгах.

1. Изменения в жизни института в 1941-1944 годах

Во время Великой Отечественной Войны коллектив института не прекращал работу, продолжал подготовку врачей, активно участвовал в медицинском обслуживании населения и санитарной обороне города. С 17 июля 1941 года его возглавлял заведующий кафедрой организации здравоохранения проф. Илья Давыдович Страшун, его заместителями по научной работе с 1.07 1941 года стали проф. Юлия Марковна Гефтер, затем проф. Мария Иосифовна Хвиливицкая, по учебной работе проф. Николай Иванович Озерецкий, после его отъезда в апреле 1942 года - проф. Ю.М.Гефтер, совмещавшая эту работу в течение года с обязанностями проректора по науке.

С первого дня войны начался добровольный и по мобилизации уход сотрудников и студентов в армию, соответственно имевшимся планам был перепрофилирован коечный фонд, развернута команда МПВО института, в которую входила и большая сандружина. Уже к концу августа институт дал стране, главным образом вооруженным силам, 347 медсестер, 1 338 врачей, в числе которых были почти все выпускники 1941 года, студенты, перешедшие на 5 курс и выпущенные со свидетельством о досрочном окончании института без экзамена ("зауряд-врачами")/16/. Большинство из них закончили институт после демобилизации в 1947 году.

Многие ушедшие в армию высококвалифицированные клиницисты занимали ответственные руководящие должности. Проф. Ю.Ю.Джанелидзе стал главным хирургом Военно- Морского флота СССР, проф. П. А. Куприянов - Ленинградского фронта. Главным

Санкт-Петербургского
Медицинского Университета
им. акад. И. П. Павлова

47074

рентгенологом 1 Украинского фронта был назначен проф. Д.Г.Рохлин, главным стоматологом Карельского, затем 1 Дальневосточного фронта-ассист. Л.Р.Балон. Служившие в Советской Армии и на флоте фронта-ассистенты, опытные ординаторы были главными специалистами армий, начмедами, начальниками госпиталей, их отделений.

Часть косок была предоставлена военнослужащим, их называли "оперативными". Количество их варьировало в зависимости от потребностей фронта. Осенью 1941 года они занимали полностью помещения госпитальной, факультетской хирургических отделений челюстно-лицевой хирургии, здание акушерскогинекологической клиники, которое открылось после 2-х летнего ремонта (7 и 8 хирургии). В последующем оперативные койки постоянно сохранялись в факультетской хирургии, части госпитальной хирургической (для получивших ранения кисти) и дополнительно были развернуты в конце января 1944 года, во время боев по снятию блокады, в принадлежавшем тогда терапевтической клинике отсеке 11 корпуса.

Большую работу провели сотрудники и студенты по подготовке института к противовоздушной обороне. Были оборудованы или приведены в порядок бомбоубежища под терапевтическим корпусом, факультетской хирургической и акушерско-гинекологической клиниками, под поликлиникой и главным зданием. Под последним находился штаб объекта. К сентябрю бомбоубежища могли принять 95% больных. Кроме того были вырыты щели в земле для укрытия проходящих на территорию института, построены 4 смотровых вышки на наиболее высоких зданиях, связанные телефоном со штабом. Для предупреждения возгорания от зажигательных бомб были окрашены специальным составом деревянные конструкции чердаков (144 000 квадратных метров), поднято на них ведрами 80 кубометров песка, создано вместилище для 3 400 ведер воды /1/. На берегу Карповки располагалась зенитная батарея для обороны института как стратегического объекта.

В сентябре 1941 года в институте был организован из студентов и сотрудников военизированный отряд, в окнах первого этажа 4-х зданий сделаны бойницы для пулеметов. Три потока старшего (4 курса) начали поочередно нести суточные дежурства для ликвидации последствий воздушных налетов.

В начале сентября наступавшие вражеские войска были остановлены на имевшей мощные укрепления старой государственной границе (1939 года), проходившей вблизи Сестрорецка, Белоострова, Лемболова и доходившей до Ладожского Озера, причем максимальная ее отдаленность от Ленинграда не превышала 45-50 км. 8 сентября немцы вышли к верховьям Невы, взяли Шлиссельбург и замкнули кольцо блокады. В последующие 2 недели фашистским войскам удалось

с тяжелыми боями прорваться к Финскому заливу у Стрельны, отрезав от города Ораниенбаум и расположенные рядом с ним форты, и приблизиться с юга к городским окраинам. Благодаря героическому сопротивлению защитников Ленинграда фронт стабилизировался на линии Урицк - Пулковские высоты - подступы к Колпино - левый берег Невы от устья реки Тосно до Шлиссельбурга. Передний край проходил местами в нескольких километрах от городской черты. Продолжавший непрерывно работать Кировский завод оказался в 6 км от передовой.

После безуспешного 2-х недельного штурма города немецкое командование решило овладеть Ленинградом иным путем. В документе оперативного отдела немецкого генерального штаба от 21 сентября 1941 г., называвшегося "О блокаде Ленинграда", говорилось: "... Сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город... вывезем все, что осталось живое, в глубь России или возьмем в плен, сравняем Ленинград с землей..." *.

Соответственно этому плану усилились начавшиеся еще 8 сентября воздушные налеты и артиллерийские обстрелы города. Всего за время блокады на Ленинград было сброшено 102 520 зажигательных и 4 653 фугасных бомб, выпущено по нему более 150 000 снарядов. **

На немецких картах наш институт назывался "объект 89". Выложенные на крышах красные кресты не спасли его от бомбардировок и обстрелов. Первая бомба в 1 тонну весом упала утром 24 сентября и не разорвалась, первый снаряд - 13 октября 1941 года. За время блокады на территорию института упало немало зажигательных бомб, которые были успешно погашены, и 35 снарядов (приложение 1).

Снаряды разрушили деревянный барак для служащих, одноэтажное здание табельной (на месте нынешней барокамеры), повредили терапевтический, химический, анатомический корпуса, здание общей (тогда госпитальной) хирургической клиники и главной кухни. Кроме того от рвавшихся вблизи отдельных зданий снарядов пострадали окна и стены других корпусов, находившиеся в них мебель, лабораторное оборудование, другое имущество кафедр. По иронии судьбы обе "раненные" осколками снарядов книги (в библиотеке и на кафедре патологической анатомии) были на немецком языке. Общий нанесенный институту ущерб составил в ценах 1946 года 14 миллионов рублей /1/.

Бомбардировки с воздуха и обстрелы ожидаемого немцами морального действия не оказали. Все работоспособное население входило в различные подразделения МПВО (местной противовоздушной обороны, переименованной в последние годы в гражданскую оборону) и принимало активное участие в защите города. По сигналу воздушной тревоги или обстрела района члены групп самозащиты каждого

* Дзенискевич А.Р. и др. Непокоренный Ленинград - Л., 1970. - С. 119

** Дзенискевич А.Р. и др. Непокоренный Ленинград-Л., 1970. - С. 129-130

дома, предприятия, учреждения занимали свои посты, дежурили на крышах для быстрого обезвреживания зажигательных бомб и оповещения районного штаба об очагах поражения, в которые немедленно выезжали команды для вывода оказавшихся в разрушенных домах людей, очистки улиц от завалов, обезвреживания неразорвавшихся бомб замедленного действия.

Хотя во время воздушной тревоги не занятым на постах полагалось уходить в укрытие, в институте и больнице, как и на многих предприятиях, работа и занятия не прекращались. В связи с этим медицинский персонал в объектовой команде был заменен прикомандированным к институту 7-м взводом Приморской роты комсомольского противопожарного полка * /8/ и одним из общегородских батальонов МПВО, обеспечивавших также помощь при приеме и эвакуации раненных военнослужащих и гражданских лиц.

Увеличение числа разрушенных домов, раненных и погибших ленинградцев, перебои с транспортом из-за повреждения электропроводов или закрытия движения до обезвреживания неразорвавшихся бомб, воздушные налеты по ночам вызывали у большинства жителей не страх, а гнев, стремление к сопротивлению, борьбе с окружившим город врагом. Формами ее были не только конкретная помощь фронту, лечение раненых, но и возможно лучшее выполнение своей работы, максимально полное сохранение привычного ритма жизни.

Особенно ярко проявился подобный моральный настрой ленинградцев в наиболее тяжелый период блокады зимой 1941/42 г. Ранние, необычно сильные и длительно державшиеся морозы (от 20 до 35 градусов) прервали воздушные налеты, однако создали новые бытовые трудности. В едва отапливаемых из-за отсутствия дров домах замерзли водопровод и канализация. С начала блокады прекратилось энергоснабжение с Волховской ГЭС, суточная выработка электроэнергии городскими электростанциями сократилась из-за недостатка топлива и повреждений во время обстрелов с сентября до декабря в 7 раз.** Благодаря этому и большим снегопадам в декабре перестали ходить трамваи и троллейбусы, электроэнергия подавалась только на самые необходимые для обороны объекты. До работы и с работы все добирались только пешком.

Возросшая из-за отсутствия общественного транспорта и бытовых трудностей (необходимости носить воду из рек и каналов, добывать топливо и др.) физическая нагрузка и холод утяжеляли течение алиментарной дистрофии. С 24 декабря 1941 г ежедневная норма хлеба по карточкам разных категорий была увеличена до 350 - 200 г, ***

* Комлев В.П. Блокада. Я в полку пожарном... -Л., 1983. - С. 82-83

** Дзенiskeвич А.Р. и др. Непокоренный Ленинград - Л., 1970. - С. 153

*** Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. - Л., 1961. - С. 165

однако остальные продукты отпускались нерегулярно. До середины февраля 1942г, когда благодаря успешной работе Дороги Жизни выдачи продуктов стали быстро увеличиваться, весь суточный рацион питания при равномерном распределении получаемых на месяц продуктов теоретически мог обеспечить в среднем по рабочей карточке 1 087 калорий, служащей - 581, иждивенческой - 466 и детской - 634 калории (вместо необходимых взрослому человеку при обычном образе жизни 3 000 - 3 500 калорий).* В этот период рабочую карточку имело 34,4 %, служащую 17,5%, иждивенческую 29,5% и детскую 18,6% населения города.**

До февраля 1942 г рабочую карточку получали из числа медицинских работников только хирурги, участковые врачи и санитарки. Все остальные сотрудники института, больницы и студенты относились к категории служащих.

В этих суровых условиях противостоянием врагу стало сохранение мужества, человеческого достоинства, ответственное выполнение необходимой фронту и городу работы, товарищеская взаимопомощь и поддержка. Проф. Владимир Георгиевич Гаршин /4/ писал в своих воспоминаниях: "...У меня была только воля, и эта воля заставила работать.... Общая атмосфера нашей жизни была чистая. Сосредоточие на интересах общих, на интересах дела создала особую атмосферу, переделала людей. Складывались только положительные стороны. Как ни мал был огонек стойкости и преданности общему делу у отдельного человека, этот огонек сливался с тем могучим пламенем, которое дало возможность выстоять".***

В этих условиях преподавательский состав, студенты, сотрудники больницы, не отличавшиеся по степени истощения и трудным условиям жизни от других жителей города, сделали все возможное для непрерывной работы института в блокированном Ленинграде. Самый тяжелый период начался 13 декабря 1941 г., когда разорвавшийся у ворот института на улице Льва Толстого снаряд повредил вводную водопроводную магистраль и канализационный коллектор и все здания остались без воды и парового отопления. Закрывать поврежденную магистраль удалось только через 14 часов. Была затоплена улица на протяжении 600 метров и 6 гектаров территории. При стоявшем 20-градусном морозе образовался слой льда в 1 метр толщины. Вскоре перестала работать канализация.

Воду для главной кухни возили с Большой Невки (9 000-12000 литров ежедневно), отделения добывали ее сами. Для бытовых нужд пользовались водой из Карповки, которую фильтровали через 4 слоя

* Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. - Л., 1961. - С. 135-136

** Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. - Л., 1961. - С. 9

*** Гаршин В.Г. Из истории медицины. - Рига, 1960. - С. 230,235

марли. Нечистоты выносили ведрами. Из-за остановки котельной пищу можно было готовить только в одном котле. Пока монтировали второй котел раненные военнослужащие получали горячую еду 2-3 раза в день, другие больные 1 или 2 раза, остальная еда выдавалась сухим пайком. Калорийность суточного рациона для находившихся в больнице составляла 1000 калорий /1/.

В палатах клиник с центральным отоплением были поставлены сделанные главным образом студентами 400 железных времянок, кое-где сложены кирпичные печурки. В библиотеке сохранился сделанный кем-то рисунок одной из них. Дров в 1941 году институт не получил, доставили только 50 тонн угля. На топливо разобрали деревянный забор больницы, несколько деревянных строений на территории института и выделенный Райсоветом разрушенный снарядом дом. Все эти работы выполняли сотрудники и студенты, работники хозяйства справлялись только с доставкой хлеба и продуктов.

В декабре начались перебои с электроэнергией, с января подача ее прекратилась, перестали работать рентгеновские и физиотерапевтические кабинеты. Для освещения пользовались копилками, лучинами, ограниченным количеством фонарей "Летучая мышь". Занятия со студентами, работу с микроскопами, прием в поликлинике проводили в дневные часы. Аптека перестала изготавливать жидкие лекарственные формы /1,16/.

Прекращение подачи тепла и электроэнергии резко ухудшило условия работы и 31 поликлиники. С конца ноября при резком увеличении числа обращавшихся больных с алиментарной дистрофией участковых врачей стало не хватать, и на эти должности начали зачислять студентов, заканчивавших по ускоренной программе 4-й курс (5 курса в институте уже не было). С середины декабря амбулаторный прием вели только в светлое время дня. Маленькие железные печурки, одну на 2-3 смежных кабинета, удалось поставить только в конце февраля.

В холодных, с замерзшими в чернильницах чернилами, полутемных из-за замены выбитых стекол фанерой кабинетах истощенные, с трудом доходившие до работы врачи принимали по 85-115 больных в день. Работали в пальто, варежках или перчатках, истории болезни не заполняли, рецепты и даты освобождения от работы писали карандашом на специальных листках. Наиболее крепкие и молодые врачи и студенты работали только по квартирной помощи, выполняли ежедневно по 15-20 вызовов /15/.

Продолжавшаяся в таких необычно тяжелых условиях лечебная работа поликлиник и больниц, активное проведение противоэпидемических мероприятий было важным вкладом медиков в борьбу с окружившим город врагом. С 25 марта 1942 г., когда решением Исполкома Ленгорсовета все трудоспособное население Ленинграда было мобилизовано на уборку города, участковые врачи делали

дополнительно к своей ежедневной нагрузке по 25 вызовов, которые не смогли быть выполнены в предшествующие недели. К этому времени число терапевтических коек возросло и стало достаточным для немедленной госпитализации всех нуждавшихся.

С февраля стало быстро улучшаться питание. В апреле больница получила ток от движка, работавшего от дизельного трактора, затем восстановилось электроснабжение из города. В мае начал работать водопровод и канализация, закончилась уборка всей территории /1, 16/.

Летом 1942 года началась подготовка помещений больницы и института к работе в осенние и зимние месяцы. В октябре три терапевтические и акушерско-гинекологическая клиники перешли в приспособленный для лечебной работы 11 корпус, в котором ранее находилось общежитие служащих. В крайнем, ближайшем к прозекторской маленьком отсеке поместился центральный приемный покой, в центральной части 1 этажа была сделана небольшая аудитория. Терапевтический корпус, здания госпитальной (теперь общей) хирургии и 31 поликлиники, переехавшей в помещение туберкулезного диспансера на площади Льва Толстого, были законсервированы. В главном корпусе разместились госпитальная хирургическая клиника (на 2 и 3 этажах), урологическая (в правом крыле 1 этажа), оставался открытый еще зимой на 4 этаже филиал факультетской терапевтической клиники. Челюстно-лицевая хирургия перешла в здание глазной клиники, клиники ЛОР-болезней, нервных и кожно-венерических болезней расположились в принадлежащем последней здании.

Теоретические кафедры, деканат, общественные организации разместились в имевших печное отопление химическом, уцелевшей части анатомического корпуса и в здании микробиологии /приложение 2/. На 4 его этаже в большой комнате перед кабинетом заведующего этой кафедрой проводились различные совещания. На этом же этаже были комнаты находившихся на казарменном положении руководителей института. В течение всей войны оставался на своем месте кабинет директора, хотя в него залетали осколки от рвавшихся на улице снарядов. Один из них попал в стоявшие в кабинете напольные часы. Заседания Ученого Совета проходили осенью 1941 года в бомбоубежище под главным зданием, с лета 1942 года в большой учебной комнате кафедры гигиены, окна которой выходили на малообстреливаемую сторону во двор.

Для обеспечения института топливом приказом 157 от 17 августа было создано 13 бригад по разборке деревянных домов, выделенных институту на Старо-Парголовском проспекте. Их возглавляли терапевты (ассистент З.Р.Зейц, ординатор Л.Р.Абкина), сотрудники теоретических кафедр (ассистенты А.В.Захарова, А.И. Науменко) и даже оперирующие хирурги (проф.Е.В.Усольцева, зав.отделением ассистент С.Я.Хлопонина, доцент А.И.Дардык), а также другие преподаватели и врачи. В зависимости от величины дома

в бригадах бывало 23-75 человек, в основном женщин. По берегу Карповки до ЦПО была проложена трамвайная ветка, по которой добытое топливо доставлялось на грузовых платформах. В дальнейшем там же был сооружен пирс, к которому причаливали баржи с дровами. На разгрузку выходили все сотрудники независимо от ранга и пола.

После снятия блокады все подразделения начали своими силами приводить в порядок принадлежавшие им ранее помещения. Для этого из числа сотрудников в хозчасти были подготовлены маляры, каменщики, стекольщики, электромонтеры, которые продолжали при необходимости выполнять эти обязанности еще несколько лет. К осени 1944 года почти все клиники и кафедры вернулись на свои места.

Большую работу по охране института и больницы от зажигательных бомб, оперативной ликвидации последствий обстрелов и бомбежек проводила объектовая команда МПВО. Должность начальника штаба занимал с 6.07 1941 года (приказ N 225) преподаватель кафедры физического воспитания А.А.Рамш, с 15.04 1942 года - руководивший с начала войны пожарно-сторожевой охраной А.А.Баландин, с 14.06. 1943 года (приказ N 72) - А.В.Побединская. Кроме того, одно из подразделений службы МПВО с первых дней войны занималось подготовкой оказания помощи населению в случае применения осаждавшими город войсками боевых отравляющих веществ. Когда весной 1943 года разведка выяснила, что на наш фронт доставлены химические снаряды, приказом N 72 от 14.06.1943 года было сформировано для оказания помощи раненым и одновременно пораженным БОВ лицам 2 штата СПМ (стационарного пункта медпомощи). Они поочередно находились по 2 недели на казарменном положении и разворачивали СПМ в загерметизированном помещении приемного покоя в 11 корпусе при каждом обстреле или воздушной тревоге. Возглавлял организацию, обучение и тренировки этих подразделений и сандружины 1 ЛМИ ассистент кафедры госпитальной терапии П.К.Булатов. Поскольку эта работа была засекречена его должность в приказе N 9 от января 1942 года и N 72 от 14.06.1943 года называлась "помощник главного врача по оперативным койкам". Заместителем его была ассистент этой же клиники С.Ф.Свинкина (по тем же приказам "пом.начальника штаба больницы").

2. Институт фронту и городу

Коллектив института и больницы сумел не только обеспечить их непрерывную работу, но и постоянно оказывал всевозможную помощь фронту и городу. 11 профессоров института входили в клиническую группу консультативного бюро при Военно-Санитарном Управлении Ленфронта. Проф. В.Г.Гаршин постоянно вел консультативную работу в прозектурах ряда госпиталей, доцент каф. госпитальной хирургии З.В. Оглоблина - в 1-ом Ленинградском военно-морском госпитале, многие

доценты и ассистенты в разных военных и гражданских лечебных учреждениях. Проф. каф. общей хирургии Б.П.Абрамсон до его гибели от бомбы 25.05.1943 г., активно участвовал в создании новых консервантов крови и противошоковых растворов в Институте Переливания крови.

Некоторые сотрудники теоретических кафедр совмещали преподавательскую деятельность с руководством подразделениями МПВО и городского здравоохранения. Доц. С.Л.Лившиц (кафедра военной подготовки) стал заместителем начальника штаба МПВО Ленинграда по медико-санитарной службе. С лета 1941 г. возглавляли развернутые в школах для раненного гражданского населения госпиталя МПВО проф. М.М.Павлов (зав.кафедрой патологической физиологии) и доцент В.Е.Шелоханова (кафедра токсикологии). Ассистент А.И.Науменко (кафедра физиологии) до июня 1942 года выполнял обязанности главного врача 31 поликлиники, затем заведующего Райздравотделом Петроградского района.

В 1942 году в Ленинграде, впервые в стране, были введены должности главных и районных специалистов, проводивших большую работу по организации занятий, лекций и научных конференций для ознакомления врачей города с диагностикой и методами лечения новых, необычных заболеваний (первая была по алиментарной дистрофии в лектории города в декабре 1942 г.), оперативно решавших вопросы совершенствования медицинского обслуживания населения. По инициативе главных специалистов издавались тематические приказы Ленгорздравотдела для участковых терапевтов по диагностике и лечению отдельных заболеваний. В число главных специалистов входили профессора нашего института М.Д.Тушинский (главный терапевт города), В.Г.Гаршин (главный патологоанатом), К.Т.Глухов (главный инфекционист), К.К.Скробанский (главный акушер-гинеколог), Д.М. Гротэль, М.И.Хвиливицкая, доцент С.Л.Гаухман (районные терапевты). Комитеты по изучению алиментарной дистрофии и гипертонической болезни при Ленгорздравотделе возглавляли проф. М.В.Черноруцкий и проф. Д.М.Гротэль.

Благодаря постоянной работе с врачами лечебно-профилактических учреждений, организации по инициативе и с участием главных и районных специалистов массовых санитарно-гигиенических мероприятий Ленинград оказался единственным известным в мировой истории городом, в котором во время блокады не было эпидемий. Об огромном значении этого уникального результата свидетельствуют приведенные А.В. Смольниковым /14/ слова взятого в плен при снятии блокады немецкого врача эпидемиолога: "В начале блокады мы были оптимистами. Мы были уверены, что половина населения Ленинграда вымрет от эпидемий, а вторую добьет голод, снаряды, бомбы. Мы очень надеялись на сыпной тиф и кишечные инфекции. Наше настроение

стало портиться с лета сорок второго года. Блокада себя не оправдала. Эпидемий не было, а голод кончился."*

Институт главных специалистов позволил быстро использовать в повседневной работе результаты изучения в клиниках специфической для осажденного города патологии. Большое практическое значение имело рано установленное влияние на исход алиментарной дистрофии присоединявшихся атипично протекавших других заболеваний. Статью, посвященную оценке важного значения в этом отношении систематического сопоставления клинических и патологоанатомических данных проф. В.Г. Гаршин вполне оправдано назвал "Там, где смерть помогает жизни"/4/.

Как показали секционные данные, непосредственной причиной смерти были в декабре 1941-январе 1942 гг. у 85% умерших больных с алиментарной дистрофией очаговые пневмонии, в феврале-марте 1942 г. - энтероколиты разной природы (дизентерийной /у 20%/, авитаминозной и др.), в апреле-мае - активный туберкулез, реже авитаминозы /5,17,20/. На основании этих данных госпитализацию стали проводить дифференцировано. Больных с неосложненной дистрофией направляли не в больницы, а в открытые по решению Горкома ВКП(б) и Ленгорисполкома при 16 предприятиях, некоторых районных поликлиниках, в гостинице Астория стационары, в штате которых, за редким исключением, были только медсестры. В них восстановили силы 63 700 ленинградцев.** Медики города стали инициаторами создания столовых усиленного питания, для которых Ленгорисполком и Военный Совет фронта выделили добавочное количество продуктов. В апреле-августе 1942 г. в них по месяцу питалось 260 000 ленинградцев.*** На ряде предприятий и в больших учреждениях, в том числе и в нашем институте, было введено так называемое "рационное питание" - взамен сданных карточек выдавалось трехразовое питание с добавлением производившихся по созданной в Ленинграде технологии блюд из пищевых дрожжей и сои (соевое молоко, сметана, запеканка из шрот - отжимок сои) /6/.

* Смольников А.В. Врач на войне. - Л. 1972.С.64

** Дзенискевич А.Р. и др. Непокоренный Ленинград - Л., 1970. - С. 162

Манаков Н.А. В кольце блокады.-Л.,1961.С.108

*** Дзенискевич А.Р. и др. Непокоренный Ленинград - Л., 1970. - С.223

3. Учебная работа

"В 1942/43 учебном году из высших учебных заведений Ленинграда велись занятия только в трех медицинских институтах: 1-м и 2-м Медицинском и Педиатрическом". *

Несмотря на все трудности жизни в осажденном городе учебный процесс не прекращался. В связи с большой потребностью во врачах все институты страны перешли на уплотненный учебный план, предусматривавший проведение ежедневно 8 часов занятий. На 4-ом (самом старшем) курсе, единственном не уезжавшем на строительство оборонительных сооружений, они начались в 1941 году с 1 августа. К 15 декабря была пройдена программа четвертого, после сессии, с середины февраля до 20 сентября 1942 года, - пятого курса. На остальных курсах время начала и окончания семестров изменялось из-за отъезда студентов на необходимые фронту и городу работы (табл.1).

табл 1.
Выполнение студентами института дополнительных работ

1. Строительство оборонительных рубежей

Даты	Курс	Место
август-сентябрь 1941г.	1-3	район Волосово, Петергофа, Пушкина
июнь 1942 г.	1-2	Карельский перешеек, озеро Волеярви

2. Заготовка торфа для оборонных предприятий

28.05-25.08 1943 г.	1-3	район станции Ириновка
17.07-22.08 1944 г.	1-2	район станции Ириновка

В феврале 1942 года пришел приказ об эвакуации всех высших учебных заведений города, однако трем из них - нашему, 2 медицинскому и Педиатрическому институтам было разрешено продолжить занятия с уменьшенным числом учащихся в связи с недостатком медицинских работников в городе, категорическом отказе его покинуть многих преподавателей и студентов.

8 апреля 1942 года по предписанию Всесоюзного Комитета по Высшей Школе при Совете Народных Комиссаров СССР Наркомздра-

* Дзенискевич А.Р. и др. Непокоренный Ленинград - Л., 1970. - С.223

ва СССР 410 студентов и 49 преподавателей выехали в Кисловодск (поездом до Борисовой Гривы, на автомашинах по льду Ладожского Озера, затем эшеленом из теплушек). Руководил эвакуацией проф. Н.И.Озерецкий, его заместителем был проф. М.Г.Привес.

Благодаря этой и самостоятельной эвакуации многих студентов, смерти ряда из них в зимние месяцы, продолжавшемся уходе учащих в действующую армию число учебных групп уменьшилось на младших курсах до 8-12, на выпускном (пятом) до 22. По этим же причинам на кафедрах оставалось лишь 15-20% прежнего состава ассистентов. В то же время в августе 1942 года на первый курс было принято 371, в 1943 году - 395 и в 1944 году - 500 человек. Кроме того на 2-4 курсах возобновляли занятия восстановившие свои силы студенты. В течение всей войны продолжали заведывать кафедрами:

1. патологической анатомии - проф. В.Г.Гаршин,
2. биохимии - проф. Ю.М.Гефтер,
3. иностранных языков - доц. Ю.М.Иогихес,
4. патологической физиологии - проф. М.М.Павлов,
5. пропедевтической терапии - проф. М.Д.Тушинский,
6. госпитальной терапии - проф. М.В.Черноруцкий,
7. нервных болезней - проф. Е.Л.Вендерович,
8. ЛОР-болезней - проф. В.Ф.Ундриц,
9. акушерства и гинекологии - проф. К.К.Скробанский,
10. урологии - проф. С.Н.Лисовская,
11. инфекционных болезней - проф. К.Т.Глухов,
12. организации здравоохранения - проф. И.Д.Страшун,
13. стоматологии - проф. П.П.Львов.

Ушедших в действующую армию заменили:

1. проф. Ю.Ю. Джанелидзе на кафедре госпитальной хирургии доц. З.В. Оглоблина,
2. проф. П.А.Куприянова на кафедре оперативной хирургии доц. Л.А. Мейер,
3. проф. В.М.Карасика на кафедре токсикологии доц. В.Е.Шелоханова,
4. проф. Д.Г.Рохлина на кафедре рентгенологии ассист. В.П.Грацианский,
5. доц. Н.Я.Давидовича на кафедре общественных наук доц. С.И.Жирмунская.

Умерших зимой 1941-42 годов заменили:

1. проф. А.А.Лихачева на кафедре фармакологии доц. М.И.Пальчевская,
2. проф. Н.Г.Гуревича на кафедре латинского языка проф. М.Е.Сергеенко

Уехало 16 заведующих кафедрами. Из них проф. Г.Ф.Ланга замещал проф. Д.М.Гротэль, проф. М.Г.Привеса - проф. А.В.Шилова, проф. А.М.Заблудовского - проф. Б.П.Абрамсон, остальных доценты или ассистенты. После гибели проф. Б.П.Абрамсона 25 мая 1943 года от осколка бомбы кафедру общей хирургии возглавил ассист. Н.Г.Сосняков. С 1943 года кафедрами физики и химии начали заведовать проф. А.Б.Вериго и проф. А.М.Халецкий. К осени 1942 года, главным образом благодаря уходу в армию и эвакуации, на кафедрах оставалось 15-20% ассистентов. Зимой 1941-42 годов умерли, помимо уже упомянутых заведующих кафедрами, возглавлявший кафедру общей гигиены проф. В.А.Углов, доцент кафедры дермато-венерологии М.В.Николя, ассистенты Л.А.Егунов (каф. физиологии), Л.Н.Марков (каф. анатомии), О.В.Лосев (каф. факультетской хирургии), преподаватели каф. латинского языка Т. С.Стахович и В.М.Кремнева. От полученных во время артобстрелов тяжелых ранений погибли в 1943 году главный бухгалтер института И.З. Крутиков, ординатор госпитальной хирургической клиники Р.М. Оршанская и студентка 2 курса В.Березовская, от осколка бомбы проф. Б.П.Абрамсон.

Уже со второй половины 1941 года практически все студенты совмещали занятия в институте с работой на 4-5 курсах врачами поликлиник или больниц, на 3 - медсестрами, на 1-2 - санитарками или сандружинниками стационаров и госпиталей. В связи с этим, приказом от 29 декабря 1941 года было разрешено свободное посещение лекций. В 1942 году в учебный план второго курса было введено обучение работе медсестер.

Несмотря на такую нагрузку, выполнение перечисленных выше хозяйственных работ, обязанностей по МПВО, в командах которой практически состояли все жители города, экзамены зимой и весной 1942 г. сдавали хорошо (в январе 1942 г. многие студенты были не в силах дойти до института, для них сессия была продолжена в апреле). Проф. В.Г.Гаршин вспоминал: "...Идут экзамены. Слушаю - отвечают недурно. Усвоили лекционный материал. А экзаменатор - ассистент спрашивает и педантично и участливо. Откуда у них силы? У меня они исчезли к началу января".*

Запись в ленинградском дневнике Веры Инбер /7/ от 18 апреля 1942 г.: "...Мы заглянули в одну из комнат (общежития), где как раз в эту минуту приступили к рубке круглого стола из красного дерева... Один из студентов был занят топкой. Второй, сидя перед огнем на круглой доске стола, положенной на пол, читал вслух. Студенты готовились к экзаменам. Холодное, но уже яркое солнце освещало их бледные, худые давно не мытые лица. А экзамены сдают все же прекрасно. Вот что удивительно.

* Гаршин В.Г. Из истории медицины. - Рига, 1960. - С. 228

О стремлении студентов продолжать учиться в любых условиях писала в своих воспоминаниях, приведенных в статье Б.М. Хромова /18/ проф. кафедры госпитальной хирургии Е.В. Усольцева. В феврале 1942 года "первоклассная, образцовая госпитальная хирургическая клиника, лишившись воды, канализации, отопления и света, стала похожа на ночлежный дом. Ряды напши таяли, и силы слабели. Мест в клинике давно не было, а раненые и больные продолжали поступать. И вот при таких обстоятельствах учебная часть института уведомила нас о начале занятий со студентами 5 курса. В первый момент мне показалось, что это задание переполняет чашу испытываемых тягот и невыполнимо. Но вскоре пришла худенькая, одутловатая "старушка", закутанная в платок, напоминающий одеяло, и заявила, что она за старосту 5 курса и ей нужно знать, где я завтра буду читать им лекцию. ..На лекцию пришло 48 студентов блокадников, у которых было горячее желание скорее закончить институт и врачами пойти в армию". "Старушка" была Е.А.Чехарина, в последующем блестящий хирург, доктор медицинских наук, профессор, много лет работавшая в Онкологическом институте.

Присутствие на лекции 48 студентов, четверти курса, было по тем временам не мало. Лекции читались с 13 и 15 часов, и работающие участковыми врачами студенты могли бывать на них только при небольшом числе вызовов. Начиная с апреля двухчасовой амбулаторный прием работавшие студенты вели только с 17 часов.

Курсовые экзамены были несколько сокращены, число государственных экзаменов уменьшено до трех, сдавали только терапию, хирургию и инфекционные болезни. Каждый выпуск молодых врачей в годы войны достигался напряженным трудом преподавателей и студентов и становился праздником для всего коллектива института.

табл.2

Число выпущенных 1 ЛМИ врачей во время блокады Ленинграда

Число и год	Получили дипломы	Из них с отличием
1.01 1942	227	40
2.09 1943	136	16
1.08 1944	66	10

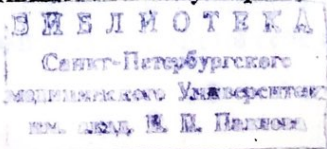
С 1943 года возобновилась работа СНО. 26-27 мая 1945 года состоялась шестая (первая после 3-х военных лет) общегоспитальная конференция СНО. На ней в ряде докладов были представлены результаты самостоятельных исследований студентов, выполненные в 1943-44 годах. Например "О линейных размерах печени при алиментарной дистрофии и лептоспирозной желтухе" (студентки 3 курса И.В.Сергеева и Л.А.Сергеева), "О клинике лейкозов в 1944 году в Ленинграде" (студентка 3 курса Н.И.Попова).

4. Лечебная работа.

Главным врачом основной базы института- больницы им. Эрисмана был с июля 1941 года до ухода в армию в апреле 1942 года был Б. Я. Шапиро, ранее заведывавший центральным приемным покоем, с 3.02.1943 года демобилизованный после тяжелого ранения Р. В. Романовский. Заместителем главного врача по лечебной работе стала с 17 июня 1941 года ассистент каф. госпитальной терапии Вера Владимировна Пежарская, работавшая в этой должности еще ряд лет после войны. Больница им. Эрисмана оставалась гражданским учреждением, но имела, как уже указывалось, "оперативные койки" для раненных военнотружущих.

С первых дней войны общий коечный фонд увеличился за счет уплотнения палат, открытия после капитального ремонта здания акушерско- гинекологической клиники и терапевтического отделения на 2-ом этаже под 6 аудиторией вместо бухгалтерии и других административных служб больницы. В разные периоды времени койки перепрофилировались в зависимости от возникавшей потребности. В начале войны было увеличено число хирургических коек за счет уменьшения их количества по узким специальностям и терапии, в здании акушерской клиники открыты 7 и 8 хирургии для раненных бойцов. С декабря воздушные налеты и артиллерийские обстрелы резко сократились, отделения для пострадавшего гражданского населения быстро заполнили больные алиментарной дистрофией, в марте им было предоставлено помещение 7 и 8 хирургии (поток раненных с фронта к этому времени уменьшился). Одновременно на 4 этаже главного корпуса был открыт филиал факультетской терапевтической клиники. С июля 1943 года в течение года с небольшими перерывами при пропедевтической терапии работало дизентерийное отделение на 60, затем на 30 коек, в январе 1944 года во время эпидемии гриппа- гриппозное отделение.

Помимо уже описанных необычных условий работы зимой и весной 1942 года, общими трудностями были для всех отделений постоянный дефицит врачей, белья, инструментария, лекарств и даже бумаги. При сохранившейся высокой требовательности к содержанию историй болезни с осени 1942 года их писали на склеенных этикетках, в лучшем случае светлых, к компотам (можно было использовать обе стороны), в худшем к минам, черно- красных на лицевой стороне. Осенью 1941 года в отделении для гражданских лиц с нетяжелыми ранениями конечностей больных вели терапевты, хирурги же только производили требовавшиеся оперативные вмешательства и при необходимости давали указания о дальнейшем лечении. В терапевтических отделениях с весны 1942 года ординаторами работали стоматологи и даже биологи, с ноября 1942 года только что закончившие институт врачи или студенты

выпускного курса. Вел по 25-30 больных, дежурили вместо 3-х - 7-8 раз в месяц.

В переехавших клиниках лаборатории находились в мало приспособленных помещениях, были плохо оснащены, уменьшилось число рентгеновских кабинетов. На 3 терапевтические и акушерско-гинекологическую клинику в 11 корпусе был один маломощный аппарат и один врач-рентгенолог. Все эти недостатки старались компенсировать тщательным физикальным обследованием больных и анализом полученных данных. Обязательным было посещение вскрытий, еженедельно проводились кафедральные заседания с разбором больных, литературными справками, касавшимися новой появлявшейся в осажденном городе патологии, или клинико-анатомическими конференциями. Ежемесячно проводились заседания лечебно-контрольной комиссии больницы.

Наиболее трудна была работа хирургов из-за всегда неожиданных поступлений пострадавших при артиллерийских обстрелах ближайших улиц. Раненых нередко доставляли прямо из очага поражения на случайных автомашинах, приносили или приводили без предварительного оказания помощи. Массовыми бывали и поступления раненых с фронта. Врачи-хирурги большей частью жили в отделениях, при необходимости сутками не выходили из операционных, а закончив прием пострадавших иногда еще шли на неотложную консультацию в другие клиники.

В разные периоды блокады менялся характер хирургических заболеваний. По устному сообщению много лет проработавшей на кафедре общей хирургии А.В. Миклашевской с ноября 1941 до апреля 1942 года исчезли острые аппендициты, но резко участились:

в октябре-ноябре 1941 г.
(период частых бомбежек)

прободение язв желудка у мужчин,

в декабре 1941 г. - январе 1942 г.
при резком похудании и большой
физической нагрузке

ущемление грыж у женщин
(оперировали при свечах, часто
прямо на койке),

в феврале-марте 1942 г. (при
атонии кишечника из-за
алиментарной дистрофии и
употребления грубой пищи)

кишечная непроходимость,

зимой 1941/42 г.

переломы конечностей у падавших
на заснеженных улицах больных
алиментарной дистрофией.

Работу терапевтов затрудняли быстро происходившие изменения заболеваемости, появление новой или атипично протекавшей патологии. С конца ноября 1941 г. стало резко возрастать число больных алиментарной дистрофией, в декабре-феврале 1942 г. они составляли 90-95% поступавших в терапевтические стационары пациентов. С марта 1942 г. число подобных больных стало уменьшаться (до 60% госпитализированных весной и летом, до 25-30% поступающих осенью 1942 г. больных). Летальность от этого заболевания упала до нескольких процентов. Затяжные формы алиментарной дистрофии наблюдались в это время главным образом при наличии другой патологии, неблагоприятных добавочных факторов (большая физическая нагрузка, бытовые трудности и др.)/20/.

На этом фоне в марте-апреле 1942 г. резко увеличилась заболеваемость гипо- и авитаминозами (цингой, В1 -витаминной недостаточностью, ранее не встречавшейся в Ленинграде пеллагрой), возникла вспышка своеобразного злокачественно протекавшего туберкулеза /5,17,20/. С осени 1942 г. начала увеличиваться частота остро возникавшей гипертонической болезни. В 1943 г. она наблюдалась у 50-60% находившихся в терапевтических стационарах больных и стала причиной смерти у 30,2% умерших в больницах города пациентов /5,17/. В 1944 г. число больных с гипертонической болезнью постепенно уменьшилось, но в 3 раза возросла по сравнению с довоенными годами частота язвенной болезни /5/. В эти же годы значительно изменились не только структура, но и клинические проявления терапевтических заболеваний.

Быстро решить возникавшие при этом терминологические вопросы, разработать диагностические критерии отдельных болезней, рациональные лечебные и профилактические мероприятия и внедрить их в повседневную работу врачей поликлиник и стационаров удалось благодаря самоотверженной работе возглавлявших наши терапевтические клиники главного терапевта проф. М.Д.Тушинского, председателей комитетов по изучению алиментарной дистрофии и гипертонической болезни проф. М.В.Черноруцкого и проф. Д.М.Гротэль. Совместно с сотрудниками Витаминного института была разработана методика приготовления и применения водного экстракта сосновой хвои при цинге. Примером активных поисков улучшения помощи больным является история снабжения медицинских учреждений города дигиталисом.

Когда весной 1942 года обнаружилась низкая эффективность перезимовавшего в неотопливаемых аптеках и складах дигиталиса, по просьбе наших терапевтов профессор Ботанического института Н.Н.Монтеверде сделал попытку впервые вырастить дигиталис в Ленинграде в открытом грунте. Полученные листья были высушены на чердаке 11 корпуса, куда уже переехали клиники, и начали использоваться после проведенной самими врачами на себе проверки его

токсичности (лабораторий с лягушками для стандартизации препарата в городе не было). Порошок из этих листьев дигиталиса оказался весьма действенным, и часть его была отправлена за блокадное кольцо /10/.

5. Научная работа

Своеобразные особенности заболеваемости и смертности населения города, новая патологии в значительной мере предопределили темы научных исследований сотрудников института, а важность полученных результатов для улучшения медицинской помощи - интенсивность их проведения. Большое научное и практическое значение имело совершенствование методов лечения различных ранений (кисти, грудной клетки и других) и ожогов, всестороннее изучение алиментарной дистрофии, авитаминозов, особенно мало известной ранее пеллагры, необычно протекавшей гипертонической болезни. В 1943 году при непосредственном участии проф. М.Д.Тушинского в работавшем при его клинике специализированном отделении была установлена этиологическая роль в развитии поносов у еще истощенных ленинградцев ранее не известных в нашей стране относящихся к группе С шигелл *Boydii*.

Результаты выполненных в 1941-1945 годах на кафедрах и в клиниках института исследований были опубликованы в выпущенном летом 1944 года сборнике "Ученые записки 1 ЛМИ", коллективной монографии "Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде" под редакцией М.В.Черноруцкого (Ленинград, 1947), 24 статьях в выпусках работ Ленинградских врачей за годы Отечественной войны (номера 3,4,5,6,7,8) и 15 в трудах эвакогоспиталей, конференций, тематических сборниках. Кроме того, полученные в эти годы данные легли в основу диссертационных работ. Было защищено диссертаций по материалам, собранным:

	до 1941 г.	в 1941-45 гг.	в институте и госпиталях	всего
на степень доктора	7	2	5	14
мед. наук кандидата	12	13	9	34
мед. наук				

Среди диссертаций на степень доктора мед.наук только 2 посвящены особенностям течения внутренних болезней, остальные касались диагностики, особенностей и лечения различных, главным образом огнестрельных ранений. Большинство диссертаций на степень кандидата медицинских наук было выполнено терапевтами. Кроме того в 1941-45 годах в Ленинграде вышли из печати 11 монографий и 3

учебника, начатых сотрудниками института до войны или написанных уже после ее начала.

В течение всей войны не прекращалась работа Ученого Совета. С 1.06 1941 года по 1.01 1943 года было 42 его заседания, в 1943 году - 25, на которых состоялось 35 защит диссертаций, заслушено 36 научных и 65 отчетных докладов. Непрерывно, даже в тяжелейших условиях зимы 1941/42 годов, работала библиотека института.

Благодаря инициативе и активной деятельности профессоров института с конца апреля-начала мая 1942 года возобновилась работа научных обществ хирургов (председатель проф. П.А.Куприянов, секретарь ассистент Н.Г. Сосняков), терапевтов (председатель проф. М.В.Черноруцкий, секретарь проф. М.И.Хвиливицкая), акушеров и гинекологов (председатель проф. К.К.Скробанский), невропатологов (председатель проф. Е.Л.Вендерович). До конца 1942 года состоялось 16 заседаний общества хирургов /2/ и 11 общества терапевтов /19/, собиравших большую аудиторию, состоявшую не только из гражданских, но и приходивших из госпиталей военных врачей. Активная работа этих обществ продолжалась и в последующие годы.

6. Деятельность общественных организаций

В проведении всех мероприятий по подготовке института и больницы к обороне, поддержании их жизнеспособности, ликвидации очагов поражения большую помощь оказывали администрации партийная, профсоюзная и комсомольская организации. Секретарем парткома был до апреля 1942 года доцент кафедры общественных наук Н.Я.Давидович, после его ухода в армию ассистент кафедры госпитальной хирургии С.П.Иванов. Председателя месткома проф. М.Г.Привеса сменила после его отъезда с эвакуированной частью института доцент каф. токсикологии В.Е.Шелоханова. Секретарем комитета ВЛКСМ оставался до августа 1941 года ординатор глазной клиники С.П.Сазонов, в последующем его сменил студент 4 курса Р.С.Левентов, после окончания им института - ординатор госпитальной хирургии В.П.Жаркова, весной 1943 года - студент П. Одинец.

В первые месяцы войны комсомольцы института, помимо участия в его подготовке к обороне, ежедневно направлялись по разнарядке Райкома ВЛКСМ на окраску предохраняющим от загорания составом деревянных конструкций чердаков в домах района, переоборудование школ в госпитали. С октября 1943 года начала активно работать небольшая (25 человек) комсомольская организация больницы, ее секретарем стал ординатор нервной клиники А.Н. Захарьина-Штемпель. По заданиям главного врача члены организации проводили рейды по проверке работы медсестер и буфетчиц клиник, в 1944 году выполняли самые тяжелые (преимущественно земляные)

работы при восстановлении поврежденных и законсервированных зданий.

Партком и местком делали все возможное для сохранения и облегчения жизни сотрудников. С декабря 1941 года, когда полностью остановился городской транспорт, было разрешено жить профессорам в своих кабинетах, остальным сотрудникам в ассистентских и ординаторских и, сдав карточки, получать питание из больничной кухни. В последующем для работников института и больницы было организовано "котловое питание", рацион которого включал не только полагавшиеся по сданным карточкам, но и дополнительные продукты (из сои, изготавливавшихся в Ленинграде по срочно разработанной рецептуре пищевых дрожжей). С 19.01 1942 года (приказ 15) в помещении кафедры токсикологии был открыт работавший до лета стационар (21 койка) для наиболее ослабевших сотрудников, направление в который выдавал местком.

С весны 1942 года по инициативе и при активной помощи парткома и месткома все желающие сотрудники получили огородные участки на территории института (на газонах, пустырях между анатомическим корпусом и Карповкой и за зданием факультетской хирургии). В 1943 году институт получил добавочные огородные участки в Новой деревне. Семена и огородный инвентарь распределял местком.

Парторги и не ушедшие в армию по возрасту или состоянию здоровья коммунисты были вдохновителями общественной жизни своих подразделений, постоянно помогали администрации в организации и улучшении их работы. Регулярно проводились политинформации, выпускались стенгазеты. Несколько раз в год партком и местком организовывали смотр работы всех кафедр и клиник, итоги суммировались в виде приказа по институту.

8 марта, 1-2 мая и 7-8 ноября были во время войны рабочими днями. В связи с возраставшей в эти дни активностью окружавших город немецких войск специальным приказом удваивалось число дежурного персонала, усиливалась охрана объекта, запрещался вход на территорию посторонним лицам. Единственным праздничным мероприятием было общее собрание сотрудников в зале им. В.И.Ленина, на котором директор института проф. И.Д.Страшун делал доклад о военных событиях и работе коллектива за последние месяцы, говорил о задачах и планах на ближайшие месяцы, затем зачитывались приказы о результатах проведенного последнего смотра, благодарности сотрудникам. Лучшие кафедры и клиники получали переходящее Красное Знамя и премии. Во время праздников небольшое число сотрудников и студентов в составе делегации Петроградского района выезжало на фронт для встречи с защитниками города.

Ряды коммунистов пополнили в 1942 и 1943 годах, зная о судьбе членов КПСС на оккупированных территориях, проф. М.Д.Тушинский, доцент М.И. Пальчевская, ассистент Е.Н.Певзнер, писатель В.М.Инбер-жена директора института, жившая с ним на его кафедре, затем на 4 этаже здания микробиологии, ряд других сотрудников.

В последние годы появилась тенденция писать главным образом о трудностях блокады, преуменьшать в 2 раза число оставшихся после массовой эвакуации жителей и даже высказывать недоумение, почему Ленинград не был сдан. Целесообразно, поэтому, указать, что на стр.233 А.Р.Денискевич с соавторами /6/ пишут с ссылкой на ряд работ, что после массовой эвакуации зимой и летом 1942 г. в городе осталось 637 тысяч жителей. Этого количества уже не хватало для обеспечения работы действующих предприятий, после прорыва блокады в январе 1944 г. число жителей стало быстро увеличиваться.

Обсуждающим вопрос о сдаче города необходимо учесть следующее распоряжение верховного командования гитлеровских вооруженных сил, которое приводит Д.В.Павлов в книге "Ленинград в блокаде" /12/ на странице 26:

" С 123 верховное главнокомандование
вооруженными силами N 44
1675/41 тайн.канц.начальника
штаба
(отд.Л/1 опер.)

Гл. квартира фюрера
7.X.41 г.

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АРМИЕЙ

Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником... Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем... И для других городов должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население обращено в бегство."

Хотя это, и приведенное выше распоряжения немецкого командования стали известны только после снятия блокады, они подтверждают необходимость всего сделанного ленинградцами для защиты и сохранения своего города. Активно участвовал в этой борьбе и коллектив нашего института. Сильные духом непобедимы.

7. Из истории эвакуированной в 1942 году части института

Эшелон с эвакуированными 8 апреля 1942 года студентами и преподавателям прибыл в Кисловодск только 2 мая. Вскоре местные и краевые организации предложили начать занятия в Кисловодске, а при-

ехавший в июле заместитель наркома здравоохранения Миловидов санкционировал организацию филиала 1 ЛМИ в этом городе. В его штат и число учащихся вошли так же преподаватели и студенты медицинских институтов из оккупированных к этому времени различных городов. Для занятий было выделено несколько помещений, договорились о прохождении клинических дисциплин в некоторых госпиталях /11/.

В июне 1942 года проф. Ш.Д.Галустян и студент Б.Виленский привезли из медицинских учреждений Тбилиси, Баку и Еревана 40 ящиков необходимого для учебного процесса оборудования, 2 скелета, много костей и гистологических препаратов. Были собраны книги из госпиталей и личных библиотек. На 4 и 5 курсах, сформированных главным образом из студентов разных институтов, занятия начались в июне, на 3-м в июле. Все учащиеся одновременно работали в госпиталях медсестрами или санитарками. Около 300 студентов 1 и 2 курсов были направлены на уборку урожая в колхозы Ставропольского края.

4 августа немецко-фашистские войска прорвали нашу оборону под Ростовом, 5 августа 1942 года пришел приказ о срочной эвакуации. Всех, кого смогли оповестить (доц. О.А.Сидоров объехал для этого близлежащие села), кто по возрасту и состоянию здоровья был способен уходить пешком проф Н.И.Озерецкий, хорошо знавший Кавказ, 18 дней вел по маршруту Нальчик-Орджонекидзе-Военно-Грузинская дорога-Тбилиси. Все документы института он нес сам в рюкзаке, его единственный взятый с собой костюм был в рюкзаке его жены. Полагавшиеся институту деньги заместитель директора по АХЧ Л.И. Цветова смогла получить только на следующий день и пешком или на попутных машинах догоняла колонну в течение 2 дней. Зарплата и стипендии были выданы на очередной ночевке /11/.

В пути к идущим присоединялись студенты и преподаватели Ленинградского 2-го медицинского, Стоматологического, Воронежского и других медицинских институтов, уходившие из района Ростова, появились повозки с лошадьми из оставленных жителями деревень. На них поочередно везли выбившихся из сил. По свидетельству проделавших этот переход пример физической выносливости, мужества, морально-политической стойкости показывали руководители перехода проф.Н.И.Озерецкий и проф.М.Г.Привес /12/.

В Тбилиси было приказано переехать в Баку. Город был переполнен уходившими от немецких войск, около двух недель жили на одной из пристаней. Вместе с добравшимися в Баку сотрудниками и студентами других медицинских институтов пересекли на нефтеналивной барже Каспийское море, погрузились в эшелон и 2 октября прибыли в Красноярск.

Разместились в 2-х этажной школе, получили ватники и ватные штаны (зимней одежды ни у кого не было) и начали организовывать Красноярский медицинский институт. Удалось получить эвакуирован-

ную еще в июле 1941 года из Ленинграда в Свердловск часть оборудования нашего института, подготовит для занятий помещение фельдшерской школы и добавочно выделенного здания, был создан небольшой анатомический музей. Препараты из-за отсутствия специальных банок хранили в крынках для молока. Студенты и преподаватели сами рисовали учебные таблицы, заготавливали дрова, выполняли все необходимые хозяйственные работы /11, 12/.

19 октября 1942 года 737 студентов приступили к занятиям. Первым директором этого неожиданно возникшего медицинского института был с 1.10. 1942 года проф. Н.И.Озерский, затем, с 28.09.1943 года до конца 1944 года - проф. М.Г.Привес. Среди заведующих кафедрами было 11 сотрудников нашего института. С октября 1942 года заведывали кафедрами:

нормальной анатомии - проф. М.Г.Привес,
гистологии - доц. О.А.Сидоров,
биологии - проф. И.И.Канасв,
общей и физколлоидной химии - проф. К.П.Мищенко,
нервных болезней - проф. А.И.Златоверов,
детских болезней - проф. Э.А.Горницкая,
акушерства и гинекологии - доц. А.М.Фой,
психиатрии - проф. Н.И.Озерский,
гигиены - проф. И.Е.Рамм,
терапии - ассист. М.С.Бабицкая,
физкультуры - преподаватель А.А.Рамш,

Для руководства кафедрами гистологии и нормальной физиологии и чтения отдельных лекций систематически приезжали в Красноярск находившиеся в Томске проф. А.А.Заварзин и проф. П.С.Купалов.

Помимо занятий преподаватели и студенты работали в подсобном хозяйстве, чтобы обеспечить себя питанием, убирали снег с железнодорожных путей, по которым шли эшелоны к фронту, когда начался ледоход участвовали в спасении единственного тогда в Красноярске понтонного моста через Енисей. В 1944 году весь 3-й курс был направлен в Абаканскую область на ликвидацию эпидемии септической ангины (был организован стационар, амбулаторное лечение и лабораторное обследование населения) /12/.

Несмотря на все трудности учились хорошо, отстающих не было. В 1944 и 1945 годах эвакуированные преподаватели и студенты вернулись в 1 ЛМИ. Институт в Красноярске продолжает успешно работать и поныне.

Значительно труднее была осень 1943 года для оставшихся в Кисловодске. Новые местные власти разрешили продолжать работу и провести набор на 1 курс при условии изменения названия филиала на "Петербургский медицинский институт в Кисловодске". Образованный в

городе "Отдел просвещения" назначил директором выдвинутого коллективом проф. В.А.Шаак, его заместителем и фактическим руководителем стал проф. Ш.Д. Галустян, много сделавший для спасения жизни ряда сотрудников и студентов. Несмотря на пребывание на оккупированной территории работали по учебному плану, утвержденному Всесоюзным Комитетом Высшей Школы при Совете Народных комиссаров СССР 13.06.1940 номер 157/м /3/.

По приложенному к докладной записке Ш.Д.Галустяна /3/ списку сотрудников этого периода (подписанному управделами А.С. Кугельберг, бывшей до войны секретарем проректора по учебной части) из эвакуированных ленинградцев заведывали кафедрами: гистологии - проф. Ш.Д.Галустян, нормальной анатомии - доц. А.И.Мальцев, латинского языка - доц. С.А.Сечкарев. микробиологии - проф. В.Н.Космодамианский, физики - проф. С.М.Токмачев, факультетской хирургии - проф. В.А.Шаак, глазных болезней - проф. В.В.Чирковский, психиатрии - проф. П.А.Останков.

Ассистентами были на кафедрах: общей химии В.А.Горюхина, П.С.Осипов, латинского языка В.П.Еремеев, гистологии Г.А.Невмывако, иностранных языков О.В.Моторина, Н.В.Иващенко, физики А.Р.Рзянкин, биологии В.А.Цвиленева, К.М.Ушакова, В.И. Львова, микробиологии А.Г.Максимова, фармакологии и терапии Бережнева-Соловьева, психиатрии М.Е.Гонтарев.

Ранее работали в Ленинграде также зав. кафедрой инфекционных болезней проф. Г.М.Данилевич, зав. кафедрой общей гигиены проф. Х.А.Никогосян. Кроме того в штат входили 11 профессоров, 2 доцента, 5 ассистентов и 12 не имевших ученой степени преподавателей, попавших в Кисловодск из разных городов. За 5 месяцев оккупации погибли 2 наших ассистента. По приказу немецкого командования пришла на сборный пункт евреев и более не вернулась ассистент кафедры биологии В.И.Львова. Уже из оцепления ей удалось вытолкнуть двух своих детей стоявшим на площади сотрудникам филиала. Их приютила до возвращения в Ленинград и встречи с родственниками В.И.Львовой В.А.Цвиленева. Пребывание у нее детей помог легализовать Ш.Д.Галустян /3/.

Немцами был арестован и, как пишет в своей докладной записке Ш.Д.Галустян /3/, "по слухам казнен в Пятигорске" доц. А.Г.Рзянкин. В личной беседе со мной зачисленные в августе 1942 г. на 1 курс филиала в Кисловодске местные жители Е.С.Арутюнов и Л.М.Каюкова говорили, что сообщения о казни А.Г.Рзянкина были развешаны по городу. В письме проф. В.Н.Космодамианского о работе сотрудников института в оккупированном Кисловодске, выдержки из которого проф. И.Д.Страшун читал на торжественном заседании коллектива 1 ЛМИ 1 мая 1943 г., сообщалось, что А.Г.Рзянкин собрал из деталей радиоприемник, слушал передачи Москвы и рассказывал их содержание.

Институт никто не финансировал. Для получения необходимых для его содержания средств была введена оплата за обучение (300 рублей за триместр). Из них профессорам дали в октябре по 500, ассистентам по 200 рублей, в ноябре и декабре - по 700 и по 300 рублей. Хозяйственные расходы сводили к минимуму, по-возможности все старались делать своими силами /3/.

Некоторые ранее подготовленные помещения были заняты немцами, собранное в июле оборудование частично разграблено, однако занятия все же начались. Как вспоминали при разговоре с ними Е.С.Арутюнов, Л.М.Каюкова, Г.А.Невмывако, студенты 1 курса, в основном местные жители, которых учеба в институте спасала от угона в Германию, на первые лекции и семинары приносили из дома мел, тряпки для доски, табуретки, чернильницы и другие необходимые мелочи. Преподаватели жили в основном на частных квартирах, и студенты хорошо знали их тяжелое финансовое положение. В конце лекций наиболее бедствовавшим профессорам клали на стол небольшие пакетики с крупой, другими продуктами и кусочками хлеба. Зимой некоторые профессора читали лекции в ватнике, подпоясанном веревкой. Работу филиала местные власти разрешили без согласования с немецким командованием. В декабре было приказано закрыть институт через 2 месяца. Тем не менее с 1 января началась сессия, а вскоре Кисловодск был освобожден нашими войсками. На стр.9 докладной Ш.Д.Галустяна /3/ указано, что "при бегстве немцев из состава института были увезены проф. Шаак В.А. и проф. Токмачев С.М.". После окончания войны проф. В.А.Шаак вернулся в Ленинград, стал, как и ранее, заведовать лабораторий в Рентгеновском институте, но в 1 ЛМИ более не преподавал.

С 11.01.1943 года работа филиала 1 ЛМИ в Кисловодске была узаконена Крайздравотделом после проверки его деятельности во время оккупации специальной комиссией и приказом Наркомздрава. В 1944 и 1945 годах все находившиеся в Кисловодске напши преподаватели вернулись в институт на занимавшиеся ими перед эвакуацией должности.

Филиал 1 ЛМИ в Кисловодске продолжал работать до конца войны. Летом 1945 года преподаватели, студенты и все имущество были перевезены в Кишпенов и включены в состав открывавшегося там института. Благодаря этому из эвакуированной части 1 ЛМИ в последующем возникли два продолжающих работать уже много лет медицинских института - Красноярский и Кишпеновский.

8. Указатель литературы

1. Булатов П.К. Работа коллектива 1 Ленинградского медицинского института им. И.П.Павлова в годы Великой Отечественной войны: Рукопись/ Б-ка С. Петерб.гос.медиц.У-та им.И.П. Павлова.- им. И.П.Павлова, инв.№01164
2. Виноградов И.П. Отчет о работе общества хирургов с 26 апреля 1942 г по 25 апреля 1943 г// Вестн.хир.им.Грекова.1943.- Кн.1-С.64-69.
3. Галустян Ш.Д. Докладная записка от 18 февраля 1943 г (о работе филиала 1 ЛМИ в Кисловодске в период оккупации города немецкими войсками): Рукопись/Б-ка С-Петербург.гос.мед. Ун-та им.И.П.Павлова.
4. Гаршин В.Г. Там, где смерть помогает жизни//. Из истории медицины.-Риг,- 1960.-С.225-238.
5. Гаухман С.Л. Изменения частоты и клинической картины внутренних заболеваний в Ленинграде в военное время// Медикосанитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации.- М:Изд-во АМН СССР,1948.-Т.2.-С.47-56.
6. Дзенискевич А.Р.,Ковальчук В.М.,Соболев Г.Л.,Цамутали А.Н., Шишкин В.А. Непокоренный Ленинград.- Л.Наука,1970.
7. Инбер В. Почти 3 года (Ленинградский дневник) / Избранные произведения.- М.,1958.-Т.3-С.249-458.
8. Комлев В.П. Блокада. Я в полку пожарном.-Л.:Лениздат,1983. -С.82-83.
9. Манаков Н.А. В кольце блокады.- Л.,1961.
10. Монтеверде Н.Н.,Скарлато Е.С.,Вайнтрауб И.И.,Тур А.Ф. Наблюдения над действием наперстянки, выращенной в 1942 г в Ботаническом институте им. В.Л.Комарова Академии Наук СССР// Алиментарная дистрофия и авитаминозы. Научные наблюдения за 2 года Отечественной войны.-Л.:Медгиз, 1944.С.102-117.
11. Озерский Н.И. Рукопись/ Би-ка С-Петербург. гос.мед. Ун-та им. И.П.Павлова, инв.№ 01185.
12. Павлов Д.В. Ленинград в блокаде.-М: Воен.изд.Мин.Об.СССР, 1961.
13. Олисов В.Л.Страницы истории//Пульс:1975.- 2 окт.№28/1562
14. Смольников А.В. Врач на войне.-Л.:Лениздат, 1972.-С.64
15. Ставская В.В. Терапевты Ленинграда в годы Великой Отечественной войны// Клинич.мед.-1985.-№ 5.-С.41-46.
16. Страшун И.Д. Основные этапы развития института за полвека/ В кн: 50 лет 1 ЛМИ.-Л.,1947.-С.1-103.
17. Тушинский М.Д.,Вайль С.С. Особенности клиники и патологической анатомии некоторых болезней в Ленинграде во время блокады и в первые послевоенные годы// Медикосанитарные последствия войны и меры по их ликвидации:М.:Изд-во АМН СССР, 1948.-Т.2.-С.28-46.
18. Хромов Б.М. Хирургия и хирурги Ленинграда в Великой Отечественной войне// Вестн.хирургии им. Грекова.-1975. -Т.114,№ 5.-С.7-13.
19. Черноруцкий М.В., Хвиливицкая М.И. Краткий отчет о деятельности Ленинградского терапевтического общества им.С.П.Боткина за май-сентябрь 1942 г// Работы ленинградский врачей за год Отечественной войны.Л.,Медгиз,1943.- вып.3.-С.145-151.
20. Черноруцкий М.В. Ход развития алиментарной дистрофии,ее клиническая картина// Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде. Л.:Медгиз, 1947.-Ч.2.-гл.7.-С.193-203.